

КОМУ АДРЕСОВАН ТРАКТАТ НИКОЛАЯ КАВАСИЛЫ “О БЕЗЗАКОННЫХ ДЕРЗНОВЕНИЯХ АРХОНТОВ”?

В статье предложено пересмотреть господствующее в науке убеждение об отсутствии связи между трактатом Николая Кавасилы “О незаконных дерзновениях архонтов в отношении священных имуществ” и периодом господства “зилотов” в Фессалонике. Как показывает анализ текста, существует возможность соотнести критикуемые в трактате меры с политикой умеренных “легитимистов-государственников”, а в оппонентах Кавасилы видеть либо Иоанна Апокавка (1345), либо Андрея Палеолога (1345–1347). В церковном иерархе, чьи злоупотребления резко обличаются в трактате, с большой долей уверенности можно видеть Иакинфа, митрополита Фессалоники (1345–1346).

Ключевые слова: социально-политические трактаты Николая Кавасилы, Фессалоника, зилоты.

The article revises the prevailing belief about the absence of the connection between Nicholas Cabasilas' *Discourse concerning illegal acts of officials daringly committed against things sacred* and the movement of the Zealots in Thessalonica. On the basis of the analysis of the text, it is possible to correlate the critical tone of the treatise with the policy of the moderate legitimists, and to see as opponents of Cabasilas either John Apokaukos (1345) or Andrew Palaeologos (1345–1347). The ecclesiastical hierarch, against whom Cabasilas inveighs in the treatise, is in all likelihood Hyakinthos, Metropolitan of Thessalonica (1345–1346).

Keywords: Nicholas Cabasilas (socio-political treatises), Thessalonica, zealots.

“Слово о незаконных дерзновениях архонтов в отношении священных [имуществ]” (Λόγος περὶ τῶν παρανόμως τοῖς ἄρχουσιν ἐπὶ τοῖς ἱεροῖς τολμωμένων), принадлежащее известному византийскому церковно-политическому деятелю XIV в. Николаю Кавасиле Хамаэту (ок. 1319 г. – после 1397)¹, представляет собой ценнейший памятник общественно-политической мысли поздневизантийской эпохи². Это полемическое сочинение,

¹ См. о нем: Ἀγγελόπουλος Α.Α. Νικόλαος Καβάσιλας Χαμαετός: Ἡ ζωὴ καὶ τὸ ἔργον αὐτοῦ. Συμβολὴ εἰς τὴν Μακεδονικὴν Βυζαντινὴν προσωπογραφίαν. Θεσσαλονίκη, 1970; Поляковская М.А. Портреты византийских интеллектуалов. Екатеринбург, 1992. С. 115–151; Spitzer Y., Conticello C.G. Nicola Cabasilas Chamaetos // La théologie byzantine et sa tradition, II. Turnhout, 2002. P. 315–395. В 1983 г. Николай Кавасила был канонизирован Элладской Православной Церковью (память 20 июня).

² “Слово” сохранилось в нескольких рукописях: Paris. gr. 1276, XIV–XV вв. (без указания автора под заглавием “К облеченным властью” (Πρὸς τοὺς ἐν ταῖς ἐξουσίαις), ранняя редакция текста, не учтенная при издании трактата И. Шевченко – см. *Ševčenko I. The Author's Draft of Nicolas Cabasilas' "Anti-Zealot" Discourse in Parisinus Graecus 1276 // DOP. 1960. Vol. 14. P. 179–201*); Paris. gr. 1213, XV в. (расширенная редакция, положенная в основу изданного текста; списки с нее – Vindob. Theol. gr. 262, XV в. и Coisl. 315, XVI в.); Paris. Suppl. gr. 681, XV в. (отрывок). – Автор настоящей статьи подготовил полный перевод трактата на русский язык.

написанное в форме прения о правовых вопросах (*διαδικασία*), содержит не только обвинения неких гражданских и церковных начальствующих лиц (“архонтов”) в нарушении неприкосновенности священных имуществ, но и аргументацию обвиняемых, пытающихся оправдать свои действия тем или иным образом. Это дает исследователям уникальную возможность погрузиться в атмосферу внутривосточных дискуссий палеологовской эпохи, когда решалась судьба оказавшегося в острейшем кризисе Византийского государства³.

Впрочем, полноценному использованию этих важных материалов препятствует неопределенность, сохраняющаяся в отношении времени и обстоятельств появления сочинения Николая Кавасилы. До сих пор нет убедительного ответа на вопрос о том, кому же адресованы его назидания и соответственно кому принадлежат те меры, в частности связанные с усилением экономической роли государства, с которыми полемизирует автор.

Греческий ученый Константин Сафа, впервые издавший отрывки из упомянутого трактата Кавасилы, соотнес его с известным политическим эпизодом времен гражданской войны между Иоанном Кантакузином и регентами при юном Иоанне V Палеологе – восстанием так называемых зилотов в Фессалонике (1342–1350)⁴. Эту идею впоследствии поддержал румынский исследователь Оресте Тафрали, специально изучавший историю Фессалоники в XIV в.⁵ Однако из “Слова” Кавасилы вырисовывалась совершенно иная политическая атмосфера, чем та отталкивающая картина кровавого бунта городских низов, которую преподносят наши основные информаторы о движении зилотов. Поэтому Тафрали пришел к выводу о необъективности проаристократических источников – прежде всего “Историй” Иоанна Кантакузина и Никифора Григоры – и попытался реабилитировать зилотов, приписав им весьма продуманную программу прогрессивных социальных реформ.

Бурные социально-экономические и политические процессы XX в. вызвали закономерный интерес к движению зилотов – наиболее яркому в истории Византии проявлению классовой борьбы. В их движении одни ученые видели причину окончательной дестабилизации империи, другие – последний нереализованный шанс спасти гибнущее государство⁶. Однако все эти рассуждения повисли в воздухе, когда Игорь Шевченко осуществил полное издание “Слова” Кавасилы, сопроводив его английским пересказом и обстоятельным анализом⁷. В конечном счете Шевченко выдвинул тезис о том, что сочинение Николая Кавасилы не имеет никакого отношения к

³ По выражению Джона Томаса, данный трактат Николая Кавасилы представляет собой “one of the most fascinating documents in all of the Byzantine history” (*Thomas J.Ph. Private Religions Foundations in the Byzantine Empire. Washington, 1987. P. 263*).

⁴ *Sathas C. Documents inédits relatifs à l'histoire de la Grèce. T. IV. P., 1882. P. XV–XVI, XXVI–XXIX.*

⁵ *Tafrali O. Thessalonique au XIVe siècle. P., 1913. P. 225–272.*

⁶ Ср.: *Charanis P. Internal Strife in Byzantium during the Fourteenth Century // Byz. 1940–1941. T. 15. P. 225–228, 230; Idem. The Monastic Properties and the State in the Byzantine Empire // DOP. 1948. Vol. 4. P. 112–115; Левченко М.В. Рец.: Ostrogorsky G. Geschichte des byzantinischen Staates // BB. 1949. T. 2. С. 334–335.*

⁷ *Ševčenko I. Nicolas Cabasilas' “Anti-Zealot” Discourse: A Reinterpretation // DOP. 1957. Vol. 11. P. 79–171. Переиздание с измененным критическим аппаратом: Idem. Society and Intellectual Life in Late Byzantium. L., 1981.*

восстанию в Фессалонике и составлено совсем по другому поводу. Соответственно реконструкция “политической программы” зилотов, предложенная О. Тафрали главным образом на основе отрывков из трактата Кавасилы, не выдерживает критики. По мнению американского византиста, обвинения “Слова” направлены вовсе не против вождей народного восстания, а против великого дуки Алексея Апоаква и патриарха Иоанна XIV Калеки (или митрополита Фессалоникийского Иакинфа) и относятся к мерам константинопольского правительства, предпринимавшимся в 1342–1344 гг. (восстановление стен и строительство флота на средства, изъятые у храмов и монастырей, и т.п.)⁸.

Главный вывод И. Шевченко – о некорректности использования трактата Николая Кавасилы для гипотетической реконструкции политики зилотов – нашел признание в науке⁹. Однако предложенное им решение вопроса о том, кому же в таком случае были адресованы выдвинутые обвинения, оказалось весьма уязвимым¹⁰. У отдельных ученых гипотеза Шевченко натолкнулась на полное неприятие¹¹, тогда как некоторые попытались предложить своего рода компромисс¹².

Вскоре сам И. Шевченко предложил новую гипотезу. Изучив рукопись *Parisinus graecus 1276*, он признал в одном из почерков руку Николая Кавасилы и пришел к выводу, что “Слово” подверглось переработке самим автором в 70-е годы XIV в.¹³ Соответственно трактат принял свою окончательную форму, а возможно, даже и был составлен в то время, когда после победы турок у Марицы (1371) императорское правительство пыталось изыскать хоть какие-то средства для укрепления армии¹⁴. Наконец, в последней своей статье-реплике по этому сюжету И. Шевченко с энтузиазмом поддержал гипотезу Джорджа Денниса, осторожно предложившего увязать проблематику

⁸ *Ševčenko I. Nicolas Cabasilas' "Anti-Zealot" Discourse...* P. 168–169.

⁹ См., например: ODB. Т. 3. P. 2222.

¹⁰ См.: *Hrochová V. Povstání zelotů v Soluni a jeho sociální předpoklady // Československý časopis historický. 1959. T. 7. № 3. S. 405–427; Eadem. La révolte des zélotes à Salonique et les communes italiennes // BS. 1961. T. 22. P. 1–15; cp. ee же рецензии: Československý časopis historický. 1959. T. 7. S. 372; BS. 1959. T. 20. S. 91–95.*

¹¹ *Frances E. Răscala Zeloților din Thessalonica în lumina ultimelor cercetări // Revistă de Istorie. 1959. T. 12. P. 257–266; Вернер Э. Народная ересь или движение за социально-политические реформы? Проблемы революционного движения в Солуни в 1342–1349 гг. // ВВ. 1960. Т. 17. С. 155–202.*

¹² *Kyrris C.P. Gouvernés et gouvernants à Byzance pendant la révolution des Zélotes (1341 à 1350) // Gouvernés et gouvernants. Bruxelles, 1968. T. 2. P. 288–291, 302–306 (предложено считать, что трактат Кавасилы направлен и против зилотов, и против Алексея Апоаква, против мер как Иакинфа Фессалоникийского, так и Иоанна Калеки).*

¹³ *Ševčenko I. The Author's Draft...* Впоследствии, однако, атрибуция почерка одного из писцов Николаю Кавасиле была подвергнута сомнению: обнаружилось его сходство с рукой Арсения Монемавасийского (1465–1535), владельца кодекса *Paris. gr. 1276*. Сам Шевченко, впрочем, остался при своем мнении, настаивая на том, что слишком радикальный характер правки отдельных мест предполагает вмешательство автора, а не редактора, что отодвигает дату его написания после 1370 г. См.: *Ševčenko I. A Postscript on Nicolas Cabasilas' "Anti-Zealot" Discourse // DOP. 1962. Vol. 16. P. 407–408* (“Exactly when, and against whom the Discourse was written, I do not know. *Parisinus Graecus 1276* suggests, without making it mandatory, that the Discourse was written in the last thirty years of the fourteenth century”).

¹⁴ *Ševčenko I. The Author's Draft...* P. 188. Cp.: *Thomas J.Ph. Private Religions Foundations...* P. 263–266.

“Слова” Кавасилы с событиями правления в Фессалонике Мануила Палеолога (будущего Мануила II) в 1369–1373 гг.¹⁵

По нашему мнению, датировать создание трактата 70-ми годами XIV в., как предлагает И. Шевченко, нет оснований. Даже если относить к этому времени позднейшую редакцию трактата, это не снимает вопроса о времени его составления и соответственно о его адресатах. Между тем, как отметил Жан Даррузес, аргументация, приводимая в “Слове” Кавасилы, в точности воспроизведена в том жестком отказе пойти навстречу императору в вопросе об использовании церковных имуществ на нужды государства, который зафиксирован в синодальном акте патриарха Филофея Коккина от ноября 1367 г.¹⁶ Это позволяет предположить, что к этому времени отстаивавшиеся Кавасилой идеи о безусловной невозможности отчуждения священных имуществ уже получили широкое распространение в высших церковных кругах.

Необходимо отметить, что большинство сохранившихся писем и речей Николая Кавасилы приходятся на период с 1345 по 1354 г.¹⁷ К этому же времени относятся и три из четырех его социально-политических трактатов: “К афинянам об их алтаре милосердия”, “К благочестивейшей августе о проценте” и “Против ростовщиков”¹⁸. Второе из этих сочинений, адресованное императрице Анне Савойской, было, по признанию самого автора, написано им в возрасте до тридцати лет и датируется исследователями с 1345 по 1351 г.¹⁹ Сам И. Шевченко указывает, что трактаты Кавасилы о ростовщичестве имеют много общего со “Словом о беззаконных дерзновениях архонтов” как в стилистической манере, так и по композиции²⁰. Следовательно, нет оснований считать их написанными с интервалом в несколько десятилетий. Не случайно и Афанасий Ангелопулос²¹, и Маргарита Адольфовна Поляковская²² относят “Слово” к тому же периоду, что и другие социальные трактаты, хотя в вопросе об адресатах критики Кавасилы принимают гипотезу о связи обличаемых “архонтов” с режимом Алексея Апокавка. Ангелопулос полагает при этом, что “Слово” написано после 1347 г., когда Кавасила уже находился в столице империи²³. Однако, по нашему наблюдению, существует целый

¹⁵ *Dennis G.T.* The Reign of Manuel II Palaeologus in Thessalonica, 1382–1387. Rome, 1960. (ОСА. 159). P. 90–91; См.: *Ševčenko I.* A Postscript... P. 407–408.

¹⁶ *Darrouzès J.* Les Regestes des actes du Patriarcat de Constantinople. Vol. I: Les Actes des Patriarches. Fasc. V: Les Regestes de 1310 à 1376. P., 1977. P. 448.

¹⁷ *Spiteris Y., Conticello C.G.* Nicola Cabasilas Chamaetos. P. 318.

¹⁸ См.: *Ibid.* P. 341–343; *Поляковская М.А.* Взгляды Николая Кавасилы на ростовщичество // АДСВ. 1976. Вып. 13. С. 83 и Примеч. 1 (с. 93–94).

¹⁹ См.: *Guilland R.* Le traité inédite “Sur l’usure” de Nicolas Cabasilas // *Eis mνήμην Σπυρίδωνος Λαμπρού. Αθήναι, 1935.* P. 272 (ок. 1347 г.); *Ševčenko I.* Nicolaus Cabasilas’ Correspondence and the Treatment of Late Byzantine Literary Texts // *BZ.* 1954. Bd. 47/1. P. 55–56 (после 1341/45 г.); *Loenertz R.-J.* Chronologie de Nicolas Cabasilas, 1345–1354 // *ОСР.* 1955. Vol. 21. P. 220–224 (1351 г.).

²⁰ *Ševčenko I.* The Author’s Draft... P. 186. Наиболее ярко сходство проявляется в публицистичной манере полемики в форме прямого диалога; некоторые реплики и обвинения в обоих сочинениях повторяются едва ли не дословно.

²¹ *Άγγελόπουλος Α.Α.* Νικόλαος Καβάσιλας Χαμαετός... Σ. 89–91.

²² *Поляковская М.А.* Портреты... С. 121 (с примеч. на с. 182), 123.

²³ *Άγγελόπουλος Α.Α.* Νικόλαος Καβάσιλας Χαμαετός... Σ. 90. В доказательство Ангелопулос ссылается на имевшее место после низложения Иоанна Калеки (1347) массовое замещение вакантных епископских кафедр. Однако это противоречит “Слову” Кавасилы, жалующегося на промедление с замещением вдовствующих кафедр с целью перевода их средств в пользу митрополии. Тем самым мы получаем *terminus ne post, a ante quem.*

ряд препятствий для того, чтобы предполагать связь “Слова о беззакониях архонтов” с политикой императорского правительства или действиями Константинопольского патриарха.

Прежде чем перейти к анализу обстановки появления трактата и его адресатов, проследим основные вехи биографии автора в контексте исторических событий его эпохи. Николай Кавасила Хамаэт родился в Фессалонике на рубеже 10-х и 20-х годов XIV в. Получив образование в родном городе (где его товарищем по учебе был Димитрий Кидонис), он затем изучал риторику, философию, право и астрономию в Константинополе. В эти годы он много работает над своим литературным стилем, набрасывая черновые планы будущих сочинений. В начале 40-х годов, когда Николай Кавасила заканчивал свою учебу в столице, в империи разгорелась гражданская война между Иоанном Кантакузином, провозгласившим себя императором, и регентским советом при малолетнем Иоанне V Палеологе во главе с вдовствующей императрицей Анной Савойской и патриархом Иоанном Калекой. Кантакузин опирался на провинциальную аристократию, тогда как столичная партия “легитимистов”, в которой ключевую роль играл бывший соратник Кантакузина великий дука Алексей Апокавк – на широкие народные слои, включавшие ремесленное население городов и крестьянство. В родном городе Кавасилы, Фессалонике, в 1342 г. вспыхнул антиаристократический бунт, в результате которого к власти пришли так называемые зилоты – ревнители законных прав династии Палеологов. Около 1000 сторонников Кантакузина были изгнаны из города, их дома были разграблены, а имущество конфисковано. В борьбу бедных с богатыми на стороне первых были вовлечены и средние слои граждан. Иоанн Кантакузин попытался взять город силой, но зилоты сумели отстоять его, сформировав народное ополчение, на помощь которому прибыл из Константинополя флот во главе с Алексеем Апокавком. В результате в Фессалонике установилось своеобразное двоевластие: во главе города стояли лидер зилотов, некий Михаил Палеолог (возможно, дальний родственник правящего дома)²⁴, и великий примакирий Иоанн Апокавк, сын великого дуки²⁵. Каждый из архонтов имел свой совет и свои вооруженные силы, хотя глава зилотов, который мог созывать народное собрание и опирался на ополчение моряков, обладал куда большей реальной властью. Постоянная угроза предательства и заговора со стороны оставшихся в городе аристократов, которые все были под подозрением как потенциальные сторонники Кантакузина, порождала напряженную атмосферу недоверия и страха. Зилоты, прибегавшие к политике репрессий и террора, постепенно теряли популярность. Пользуясь этим, в конце весны – начале лета 1345 г. Иоанн Апокавк организовал переворот: во время спровоцированной ссоры Михаил Палеолог был убит одним из аристократов. Став единоличным правителем Фессалоники, Апокавк арестовал и отправил в Платамон и другие соседние крепости наиболее влиятельных зилотов, а прочих изгнал из города. Впрочем, боясь конфликта с отцом, он поспешил припугнуть и сторонников Кантакузина. Вскоре, в июне 1345 г., в Фессалонику пришла весть о гибели Алексея Апокавка, убитого в Константинополе при посещении тюрьмы.

²⁴ PLP 21527.

²⁵ PLP 1187.

После этого его сын Иоанн, созвав собрание с участием знатных граждан и военных, убедил их, что теперь подчиниться Кантакузину выгоднее, чем держать сторону столицы, у которой нет сил даже на собственную оборону. Для ведения переговоров с сыном Кантакузина Мануилом в Веррию из Фессалоники была направлена делегация.

Здесь-то мы и встречаем Николая Кавасилу, который стоял во главе посольства вместе с неким Георгием Фармаком. Столь важная миссия, порученная довольно молодому политику (Кавасиле было около 25 лет), показывает, что к этому времени он уже успел зарекомендовать себя и пользовался доверием как Иоанна Апокавка, так и граждан Фессалоники. Послы поставили в качестве условий освобождение города от налогов и предоставление почестей и доходов лично для Апокавка и прочих знатных лиц. Кантакузин принял все условия, и соглашение о сдаче было заключено²⁶. Однако один из лидеров зилотов, некто Андрей Палеолог, избежавший изгнания благодаря своей умеренной позиции, высказал недовольство распределением наград и, бежав под защиту моряков, поднял мятеж. Апокавк, имевший в своем распоряжении около 800 солдат гарнизона, укрепился у акрополя и послал за подмогой к Мануилу Кантакузину. В происшедшей на следующий день стычке народ встал на сторону зилотов, а гарнизон, отказавшись сражаться с согражданами, отступил в акрополь. Народ вошел в крепость, двое приспешников Апокавка были убиты, а остальные вместе с правителем были брошены в тюрьму; солдат не тронули и даже наградили. Наутро прошел слух о том, что узники вновь захватили акрополь и соединились с отрядом Кантакузина. Разгоряченный народ во главе с зилотами, вопреки примирительным попыткам Андрея Палеолога, ворвался в акрополь. Апокавк и прочие узники (чуть менее 100) были сброшены со стен и растерзаны обезумевшей толпой. Головы казненных были выставлены для устрашения на всех площадях города²⁷. Дальнейшее развитие событий в подробностях неизвестно. Впоследствии в Фессалонике вновь действуют два архонта – Андрей Палеолог, получивший от Иоанна V чин *ὁ ἐπὶ τῆς τραπέζης* (некто вроде стольника), и присланный из Константинополя представитель центрального правительства протосеваст Алексей Ласкарь Метохит.

В феврале 1347 г. Иоанн VI занял Константинополь, а в мае был повторно коронован как соправитель Иоанна V, который женился на его дочери. Примирение Палеолога с Кантакузином лишило движение зилотов формальной легитимности. Однако контролировавшие Фессалонику архонты, заигрывая с сербами (к этому времени город со всех сторон окружили владения Стефана Душана), сохраняли свое независимое положение и отказывались признать Иоанна VI законным императором. Между тем Николай Кавасила, избежавший расправы при свержении Иоанна Апокавка, оставался в Фессалонике. Его друг детства Димитрий Кидонис, занявший в правительстве Иоанна Кантакузина одну из высших должностей, призывает его приехать в столицу и поступить на службу к новому императору²⁸. Наконец, во второй половине 1347 г. мы встречаем Николая Кавасилу в Константинополе.

²⁶ Ioannis Cantacuzeni eximperatoris Historiarum libri IV / Cura L. Schopeni. T. II. Bonnae, 1831. P. 574.

²⁷ Ibid. P. 576–581.

²⁸ Поляковская М.А. Портреты... С. 119–120.

По поручению императора он сопровождает в свой родной город Григория Паламу, который был избран на кафедру Фессалоники вместо умершего митрополита Иакинфа. Очевидно, что Кавасила продолжал пользоваться определенным влиянием среди фессалоникийцев – только в этом случае Кантакузин поручил бы ему столь деликатную миссию. Однако Григорий Палама не был допущен в город и был вынужден удалиться на Афон²⁹; за ним последовал и Николай Кавасила.

В 1350 г. Иоанн VI Кантакузин попытался склонить жителей Фессалоники на свою сторону, предоставив им общие и частные привилегии, но Андрей Палеолог с зилотами демонстративно сожгли его послания посреди города. Эта акция вызвала негодование Алексея Метохита как открытый бунт против императорской власти. Заручившись поддержкой всех недовольных засильем зилотов и имея в своем распоряжении гарнизон, Метохит разбил Андрея и поднявшихся на его защиту моряков в краткой ночной стычке. Андрей Палеолог бежал к сербам, а затем удалился на Афон; его дом и кварталы “приморских” были разграблены народом. В конце осени 1350 г. Иоанн VI Кантакузин лично прибыл в Фессалонику вместе с Иоанном V Палеологом, отогнав сербов. На народном собрании император обвинил зилотов в развязывании гражданской войны; предводители движения были под арестом отправлены в столицу, а прочие изгнаны из города³⁰. Вскоре в Фессалонику смог прибыть и Григорий Палама.

Николай Кавасила Хамаэт, как и Димитрий Кидонис, пользовался особым благорасположением Иоанна Кантакузина. Император даже избрал двух друзей своими спутниками, собравшись было оставить трон и удалиться монахом на Афон³¹. Авторитет Кавасилы в церковных кругах был столь значителен, что в августе 1353 г. синод рассматривал его в числе кандидатов на патриарший престол – и это при том, что Кавасила был мирянином (хотя и жил аскетом, дав обет безбрачия) и ему было лишь немногим более 30 лет. Однако уже в декабре 1354 г. Иоанн V вынудил своего тестя отречься от престола и удалиться в монастырь. После падения Кантакузина Кавасила также уходит из политики.

Рассмотрим далее, какие основания для определения адресата и обстоятельств написания дает сам текст интересующего нас трактата.

Уже в самом начале мы узнаем, что “Слово” адресовано неким архонтам, “которые хотят быть во всем честными и справедливыми, но нарушают закон, введенные в заблуждение” благовидными предложениями; они “мудры и честны, всегда желали бы предпочесть закон, чем мнение, и... не считают чем-то постыдным учиться... Пусть же будут для них судом самые верные из их товарищей и ближайших друзей”³². Этим “честным архонтам” автор

²⁹ Ioannis Cantacuzeni... T. III. Bonnae, 1832. P. 104–105.

³⁰ Ibid. P. 117–118.

³¹ Ibid. P. 107.

³² “Слово о беззаконных дерзновениях архонтов” (Λόγος... Далее – Λ.) цитируется по изданию: Ševčenko I. Nicolas Cabasilas’ “Anti-Zealot” Discourse... (указываются параграф и строка, а также номер страницы). Λ. 1.4–6 (P. 91): οἱ δὲ βούλονται μὲν εἶναι χρηστοὶ καὶ δίκαιοι πανταχοῦ, προφάσει δὲ λόγον τινὰ σφίσειν δοκούσας ἐξηπατημένοι παρανομοῦσι...; 3.1–7 (P. 92): Ἡμῖν δὲ ἡ διαδουκασία περὶ τῶν ἀρχόντων, οἱ σοφοὶ τὲ εἰσι καὶ χρηστοὶ καὶ πάντ’ ἀν βούλοντο μάλλον ἢ γνώμην προδοῦναι νόμον... καὶ νομίζουσιν οὐ τῶν αἰσχρῶν ἐν εἶναι τὸ μανθάνειν... ἔστω δὲ δικαστήριον τῶν ἐταιροτάτων αὐτοῖς καὶ φιλάτων οἱ πιστότατοι.

противопоставляет “дурных архонтов, которые нарушают законы и презирают справедливость из-за порочности мыслей”, которых “никаким словом нет возможности исправить или заставить образумиться, так как погрешают они вовсе не потому, что не знают, что нужно делать, но добровольно совершают дурные и злые дела”³³. Такие, “кто не ведали никакого страха за свои деяния, пусть не слушают увещеваний: ибо им не предназначено ни это слово, ни руки целителей и лекарьев, ни что-либо иное из средств мягких и человеколюбивых; их должны ожидать решения судей, руки палачей и предусмотренные законами меч, баратр³⁴ и тому подобное”³⁵.

Итак, Николай Кавасила проводит четкое разграничение между двумя типами должностных лиц. Одних, “добрых архонтов”, он считает возможным увещевать дружески (в дальнейшем только к ним и обращены упреки автора), других, “злых”, бесполезно наставляя, но следует наказывать по всей строгости. Уже из этого вступления ясно, что адресатом трактата никак не мог быть император. Это убеждение подкрепляет следующее место: “Ибо можно было бы говорить, что к архонтам должно относиться хозяйствование имуществом тех, кто находится под их началом, – однако не частным, а общественным. Ведь каждый стоит во главе своего домовладения и пользуется имуществом, как желает, и даже если захочет разорить, расточить как попало и растратить на ненужное, не должен никому отчета – ни вождям народа, ни судьям, ни даже начальствующим над всем василевсам”³⁶. Обращает на себя внимание упоминание “вождей народа” (δημαγωγῶν). Этот античный политический термин редко встречается в византийской литературе; к примеру, его употребляет Иоанн Кантакузин при описании народного мятежа в Адрианополе – того самого, с которого началось движение зилотов в поддержку Палеологов³⁷. Но если у Кантакузина “демагоги” – всего лишь предводители мятежных народных масс, то Кавасила упоминает их в числе властных лиц, наряду с судьями и императорами.

В тексте трактата постоянно фигурирует термин “полис”, что по старой греческой традиции (которую прекрасно знал и любил Кавасила) означает “город” не столько как населенный пункт, сколько как политическое целое. Как известно, в классических языках нет термина, точно соответствующего нашему понятию “государство”. Византийская политическая терминология, носящая на себе глубокий отпечаток античных традиций, плохо поддается переводу на современные языки. В отличие от привычной нам дихотомии “государство – общество”, в византийской традиции “государственное” теоретически не отделимо от “общественного”, а реальное разграничение проходит по линии “общественное – частное”. Трактат Кавасилы, уделяющий

³³ Л. 1.1–4 (Р. 91): Τοὺς μὲν πονηροὺς τῶν ἀρχόντων, οἱ γνώμης μοχθηρίᾳ λύουσι νόμους καὶ δικαίων ὑπερῶρσιν, ὡς ἂν μὴ τῷ ἀγνοεῖν ὅ,τι δεῖ ποιεῖν ἀμαρτάνοντας, ἀλλ’ ἐκόντας πονηρευομένους καὶ κακορροῦντας, ἀμήχανον εὐρεῖν ὅς ἂν ἰάσαιτο λόγος καὶ πείσειε σωφρονεῖν.

³⁴ Пропасть в древних Афинах, куда сбрасывали осужденных на смертную казнь.

³⁵ Л. 2.11–15 (Р. 91–92).

³⁶ Л. 10.1–7 (Р. 94–95): Ὅτι μὲν γὰρ τῶν ὄντων τοῖς ἀρχομένοις τὴν οἰκονομίαν τοῖς ἄρχουσιν ἀνακείσθαι δεῖ, φαίην ἂν, ἀλλ’ οὐ τῶν ἰδιωτικῶν, ἀλλὰ τῶν κοινῶν· τῆς γὰρ οἰκίας ἕκαστον προϊστασθαι τῆς αὐτοῦ καὶ τοῖς οὖσιν ἢ δοκεῖ χρῆσθαι, κὰν κατορύξαι κὰν εἰκῆ ῥίψαι κὰν εἰς οὐδὲν δέον δαπανῆσαι θελήσῃ, μηδενὶ λόγον ὀφείλειν, οὐ τῶν δημαγωγῶν οὐ τῶν δικαστῶν, οὐκ αὐτοῖς τοῖς πάντα ἄρχουσιν βασιλεῦσιν.

³⁷ Ioannis Cantacuzeni... Т. II. Р. 176.

этой проблеме обостренное внимание, – прекрасное тому подтверждение. Обозначающие государство термины πόλις, πολιτεία, τὸ κοινόν (τὰ κοινά, κοινῆ и т.п.) несут в себе трудно передаваемые при переводе оттенки смысла. Тем не менее “архонты”, к которым обращена речь, управляют именно отдельным городом, а не всей империей. Так, Кавасила предупреждает: “Ни один лихоимец и дурной человек через беззаконие и лихоимство не обретет лучшей жизни, ни этой нынешней, ни более долгой, и не только частное лицо, но и архонт, не только никакой человек, но и ни дом, ни город, ни весь народ”³⁸. Он упрекает своего оппонента в том, что тот считает себя в праве нарушать божественные законы, “поскольку считается архонтом у соплеменников”³⁹. А для того, чтобы убедиться, какое это ужасное святотатство, Кавасила предлагает: допусти в “город, которым ты руководишь”, кого-то, кто внешне будет “читать, уважать и выказывать к тебе всяческое благоговение, но позволит гражданам не обращать внимания ни на одно твое распоряжение... допустит не исполнять те решения относительно города, которые принял ты сам, но будет настраивать народ внимать тем, которые сам он устанавливает и применяет”⁴⁰. Атмосфера, в которой власть держится лишь на умонастроении граждан, свойственна отнюдь не императорскому правлению, но скорее “демократическому” режиму, сложившемуся в Фессалонике.

Архонты, которым адресовано “Слово”, то и дело сравниваются с городскими судьями, что указывает на их достаточно скромный административный статус. Например: “Ведь ты равно судишь всех и требуешь соблюдать установленные для каждого законы, и в гражданских взаимоотношениях заверяешь договоры не всякие, но от которых нет никакой несправедливости и которые не возбраняет закон”⁴¹; “Ты выступаешь у них свидетелем этого в тех сделках, которые заверяешь”⁴²; “Нужно, чтобы вы, ведающие общественными делами, выступили свидетелями”⁴³ и др. Очевидно, что в подобных терминах невозможно говорить ни об императоре, ни даже о наместнике из царского рода (например, Мануиле Палеологе).

Город, о котором ведет речь Кавасила, является весьма крупным и столь самостоятельным, что может рассматриваться почти как античный полис. Он стоит на море и окружен стенами. Говоря о расходах на армию, автор упоминает “корабли, моряков и пехотинцев”⁴⁴, “корабли, оружие и стратиотов”⁴⁵. Основные сословия в нем – ремесленники, земледельцы и купцы⁴⁶.

³⁸ Л. 28.10–13 (Р. 105).

³⁹ Л. 30.5 (Р. 106): ὅτι παρὰ τῶν ὁμοφύλων ἄρχων ἤκουσεν.

⁴⁰ Л. 30.9–15 (Р. 106): παρελθέτω τις εἰς πόλιν ἣν ἄγεις καὶ τὰ μὲν ἄλλα τιμάτω καὶ σεβέτω καὶ πᾶσαν ἐπιδεικνύσθω περὶ σε τὴν αἰδῶ, τῶν μὲντοι πολιτῶν ἑάτω μηδένα τῶν ὑπὸ σοῦ προσταττομένων φροντίζειν... μηδ' οἷς αὐτὸς ἐπέτρεψας τὰ τῆς πόλεως τὰ δοκοῦντα συγχωρεῖται περαινέειν, ἀλλ' οἷς αὐτὸς τίθεται καὶ ἃ νομίζει, τοῦτοις τὸν δῆμον παρασκευάζεται προσέχειν τὸν νοῦν.

⁴¹ Л. 14.14–17 (Р. 96–97): καὶ γὰρ ἅπανι δικάζεις ὁμοίως καὶ τοὺς κειμένους ἐκάστοις νόμους σφάζειν κελεύεις, κἀν ταῖς πολιτικαῖς κοινωνίαις ἐπιψηφίζῃ τοῖς συμβολαίοις, οὐ πᾶσιν, ἀλλ' ὅθεν οὐδὲν ἀδίκημα καὶ οἷς ὁ νόμος οὐ πολεμεῖ.

⁴² Л. 15.11–12 (Р. 97).

⁴³ Л. 16.16–17 (Р. 97).

⁴⁴ Л. 24.4 (Р. 103): Ἄπὸ τῶν νεῶν καὶ τῶν ναυτῶν καὶ τῶν ὀπλιτῶν.

⁴⁵ Л. 24.10 (Р. 103): ναῦς ἐκτίρατο καὶ ὄπλα καὶ στρατιώτας.

⁴⁶ Л. 26.11 (Р. 104): τίς δημιουργός, τίς γεωργός, τίς ἔμπορος.

В управлении архонтов находятся и сельские окрестности, где, собственно, и расположены те церковные земельные владения, на защиту которых встанет автор трактата. Все эти черты весьма ясно указывают на родной город Николая – Фессалонику. Напротив, никаких признаков того, что речь идет о Константинополе, мы в трактате не находим.

То же самое касается и той части “Слова”, речь в которой идет о злоупотреблениях церковных властей. В тексте говорится о том, что средства, выделяемые на епископов провинциальных городов, незаконно тратятся на содержание митрополии как их “матери”⁴⁷. Николай Кавасила прямо называет своего оппонента “епископом митрополии”⁴⁸. Архиерей обвиняется в нанесении ущерба “чужим городам”⁴⁹ вопреки обязательству соблюдать законы, которые он давал при вступлении на кафедру, “призывая в свидетели Бога и всю герусию”⁵⁰ (речь, видимо, идет о клятве синоду при вступлении в сан). Наконец, в одном из пассажей можно увидеть противопоставление адресата и патриарха: “А разве с тобой такого не было, чтобы тот, кто над всеми ними поставлен начальником, возводил тебя на алтарь, касался головы и провозглашал священство? Ведь не от себя лично и не сам по себе ты получил это. Так пусть же он из-за этого будет твоим сообщником по пастырству, и возглавит город, и окажется повсюду епископом – а ты не обижайся и не сочти это беззаконием”⁵¹. В своих обличениях Кавасила доходит до того, что грозит своему оппоненту геенной огненной как беззаконнику, торгующему Св. Духом и позорящему свой сан⁵². Все это позволяет заключить, что трактат адресован вовсе не патриарху Константинопольскому, а митрополиту Фессалоники.

Любопытно, что в качестве оправдания некие оппоненты Кавасилы выдвигали тезис о наступлении эпохи полного упадка нравов, когда древние христианские законы уже неприменимы⁵³. Давая им жесткую отповедь, автор “Слова” упрекает их ни много ни мало в отступлении от христианства и введении нового крещения, предлагая “явить нового бога”⁵⁴. В этой связи можно вспомнить сообщение Кантакузина об имевшей место в Фессалонике странной церемонии “перекрещивания” лиц, подозревавшихся в связях с противником, и о пародиях зилотов на христианские таинства⁵⁵.

Итак, по нашему убеждению, указанных данных вполне достаточно, чтобы утверждать: “Слово” Николая Кавасилы адресовано гражданским и

⁴⁷ Л. 8.3–6 (Р. 94): ἐπὶ τὴν μητρόπολιν ἄγειν..., καθάπερ κεφαλὴν ἢ καρδίαν αὐταῖς τὴν μητέρα σὺζοντες.

⁴⁸ Л. 39.7–8 (Р. 113): τὸν τῆς μητροπόλεως ἐπίσκοπον, σὲ τοῦτον. 39.14–16 (Р. 114): οὐδὲν ἕτερον εὐρήσεις σαυτὸν, κὰν σφόδρα ζητήσης, ἢ ὃν ἐπίσκοπον μητροπόλεως οἱ νομοθέται καλοῦσιν.

⁴⁹ Л. 38.35–36 (Р. 113): οὐ παρ’ ἐκείνων ὡν εἰ ποιμὴν, ἀλλοτρίας δὲ συλᾶς πόλεις.

⁵⁰ Л. 38.7–9 (Р. 112): οὐ τὸν θεὸν ἐνταῦθα καὶ τὴν герουσίαν ἅπασαν ἐμαρτύρασθε;

⁵¹ Л. 40.7–9 (Р. 114).

⁵² Л. 33, 59.

⁵³ Л. 31.1–2, 10–11 (Р. 107): Εἰσὶ δὲ οἱ φασιν ἀπολογούμενοι τὸν καιρὸν ἤδη τῶν τοῦ θεοῦ νόμων ἐξῆκειν, χρῆναι μὲν γάρ ποτε κυρίους εἶναι, νῦν δὲ οὐκέτι... πολλὴ πανταχοῦ νῦν ἡ μοχθηρία, φησί, τὸ χρηστὸν δὲ ὀλίγον.

⁵⁴ Л. 31.4–5 (Р. 107): εἰ μὲν οὖν καὶ βάπτισμα εἰσάγουσι καὶ αἷμα ἕτερον, δεικνύτωσαν καὶ θεὸν ἄλλον... καὶ οὕτως οὐδὲν καλῶς πάντα τὸν χριστιανισμὸν ἐκ μέσου γενέσθαι, παρὰ τὰς ψήφους ταύτας τῶν ἀνδρῶν τουτωνί.

⁵⁵ Ioannis Cantacuzeni... T. II. P. 570–571.

церковным властям Фессалоники, фактически обособившейся от империи в период гражданской войны.

В каких же обстоятельствах Кавасила мог себе позволить обращаться к градоначальникам и митрополиту со столь смелым “дружеским” увещанием? Трудно предположить, что он мог сделать это, не чувствуя мощной поддержки. Заметим при этом, что в “Слове” императорская власть упоминается лишь пару раз, да и то в отвлеченном смысле: “начальствующие над всем василевсы”⁵⁶ и “царские законы”⁵⁷. Следовательно, предполагать, что Кавасила опирался на непосредственную поддержку императора (например, своего благодетеля Кантакузина), нет оснований. Значит, за ним стояли некие влиятельные общественные круги. Красной нитью по всему “Слову” проходит идея о неприкосновенности частной собственности как церковной, так и светской. Говоря о необходимости соблюдения властями “справедливого” и “подобающего чести” распределения денег, земли и почестей, автор при этом выступает как идейный противник уравнительного обобществления: “Ведь если никто не будет хозяином своего [имущества], но начальникам будет позволено пользоваться, чем бы они не захотели; лишь только они заговорят о государстве, всем тут же придется опасаться и дрожать за свою [собственность]. Кто же будет трудиться, чтобы получить деньги, какой ремесленник, какой земледелец, какой купец, зная, что все зарабатывает для других? И разве будет кто-либо, проводя жизнь в нищете, упражняться в мудрости или тренироваться в тактике, или познавать законы и изучать правила стратегии? Откуда возьмутся общественные доходы, если повсюду будет господствовать бедность?”⁵⁸. Эти настроения сближают Кавасилу с умеренной аристократической партией, а его противников – с теми слоями “государственников”, которые группировались в эпоху гражданской войны вокруг легитимистской партии⁵⁹.

Но можно ли считать оппонентами Кавасилы зилотов, как это делалось до появления публикации И. Шевченко? В числе осуждаемых в “Слове” мероприятий упоминаются частичное изъятие собственности крупных монастырей путем конфискации как денежных и натуральных доходов, так и земельных владений (§ 4, 6, 12, 21, 24); взимание платы при назначении на должности, в том числе церковные (§ 5, 7, 34–37); конфискация собственности почивших архиереев и использование “кормлений” вдовствующих кафедр на нужды митрополии (§ 5, 8, 38–41); поборы с монастырем (§ 48). В свое оправдание оппоненты Кавасилы указывают на свое право использовать изымаемые богатства на благо общества, прежде всего для нужд обороны и помощи бедным. В том же духе оправдываются и денежные взносы, и перераспределение церковных доходов. Как видим, критикуемые Кавасилой явления не выходят за рамки обычной практики византийских властей. Ни секуляризация, ни выплата бедным пособия из доходов

⁵⁶ Л. 10.6 (Р. 95): οὐκ αὐτοῖς τοῖς πάντα ἄρχουσιν βασιλεῦσιν.

⁵⁷ Л. 36.1, 4 (Р. 111): Ἐνιοὶ δὲ καὶ βασιλέων εἶναι νόμους φασίν... οὐδεὶς δὲ οὕτω σφόδρα βασιλεὺς, ὥστε θεοῦ προτιμηθῆναι καὶ ψήφου κύριος εἶναι παρανομῶν.

⁵⁸ Л. 26.8–14 (Р. 104).

⁵⁹ О важности трактата Кавасилы как свидетельства о наличии в Византии XIV в. партии прагматиков-государственников, не тождественной зилотам, см.: Charanis P. Observations on the “Anti-Zealot” Discourse of Cabasila // RESEE. 1971. Т. 9/3. Р. 369–376.

митрополита (καθολικός) не являются свидетельствами о революционных действиях зилотов, так как практиковались в Византии регулярно. Все многословные обвинения не выходят за рамки традиционного соперничества между пронариями и монастырями. В то же время о применении таких мер именно зилотами ничего неизвестно. И наоборот, те акции зилотов, о которых сообщают другие источники, вообще не упоминаются в обличении Кавасилы.

Семья Кавасилы принадлежала к аристократическим кругам и, несомненно, пострадала от правления зилотов. Поэтому трудно допустить, что он мог бы назвать их “добрыми архонтами” и посвятить им свои “дружеские” увещания. Зато вожди зилотов без труда угадываются в тех “дурных архонтах”, которых Николай Кавасила считает достойными не слов назидания, но руки палача, меча и баратра. Если исключить из числа “архонтов”, которым адресован трактат, крайних зилотов, то остаются две возможности.

“Слово” Николая Кавасилы Хамаэста могло быть произнесено вскоре после убийства Михаила Палеолога в мае–июне 1345 г., а его адресатом мог быть Иоанн Апокавк. В июне того же года Кавасиле была доверена важная дипломатическая миссия – переговоры с Мануилом Кантакузином в Веррии о сдаче Фессалоники. Его друг Димитрий Кидонис радостно поздравлял с этим успехом своего покровителя Иоанна Кантакузина⁶⁰, а впоследствии откликнулся на трагическое свержение Апокавка проникновенной “Монодией на павших в Фессалонике”⁶¹. Во время своего правления Иоанн Апокавк, насколько известно, предпринял ряд мер в русле политики своего отца, подвергая поборам богатейших граждан. Вполне логично допустить, что под предлогом государственной необходимости он прибегал и к таким мерам, как конфискация части церковных имений⁶² и поборы при назначении на должности – за что и подвергся критике со стороны Кавасилы и стоявшей за ним партии. Резко реагировать на подобную критику Апокавк не мог, поскольку его положение в городе после свержения зилотов было весьма шатко. Что же касается митрополита, то им мог быть Иакинф Киприот, занимавший кафедру с середины (?) 1345 г. и скончавшийся не позднее мая 1346 г.⁶³ Иакинф был сторонником Иоанна Калеки и другом Георгия Акиндина и был активным противником партии “исихастов” во главе с Григорием Паламой. Это помогает объяснить ту резкость, с которой его обличает Николай Кавасила, близкий к “кантакузинистам” и паламитам.

Другая возможность датировки “Слова” Кавасилы: между 1345 и 1346 гг. В это время Фессалоника находилась под контролем умеренных зилотов во главе с Андреем Палеологом, однако мы почти ничего не знаем о реальной

⁶⁰ Loenertz R.-J. Note sur une lettre de Démétrius Cydonès à Jean Cantacuzène // BZ. 1951. Bd. 44. P. 405–408.

⁶¹ Русский перевод: Поляковская М.А. Портреты... С. 202–210.

⁶² В “разграблении храмов в городах” упрекает сторонников Палеологов ярый “кантакузинист” Димитрий Кидонис (Cammelli G. Demetrii Cydonii ad Ioannem Cantacuzenum imperatorem oratio altera // BNJ. 1923. Bd. 4. P. 80).

⁶³ См.: Darrouzès J. Les Regestes des actes du Patriarcat de Constantinople... P. 202–203 (№ 2254), 204–205 (№ 2256); PLP 29453.

расстановке сил в мятежном городе в этот период. Любопытно, что Николай Кавасила, который, казалось бы, должен был оказаться в опале после свержения режима Иоанна Апокавка, вовсе не спешил покинуть Фессалонику, даже после того, как его лучший друг Димитрий Кидонис стал главным министром и звал его в столицу. Да и после переезда на службу к Кантакузину он жалел, что покинул родной город⁶⁴. Все это, на наш взгляд, говорит о том, что Кавасила вполне вписался в политическую ситуацию, сложившуюся в Фессалонике после переворота Андрея Палеолога. Строго говоря, Иоанн Апокавк и его ближайшие сторонники заплатились вовсе не за свою связь с аристократией, а за предательство “дела Палеологов”. Как показывают источники, после свержения зилотов Апокавк-младший далеко не стал в Фессалонике единоличным правителем: в частности, ему пришлось долго уговаривать собрание граждан (ἐκκλησία) начать переговоры с Кантакузином⁶⁵. Поэтому не исключено, что во время посольства к Мануилу Кантакузину в Веррию Николай Кавасила был представителем влиятельного местного самоуправления, тогда как его спутник Фармак представлял лично Апокавк (и вскоре погиб вместе с ним, сброшенный со стен акрополя). Таким образом, Николай Кавасила мог быть представителем той легитимистской аристократии, которая сохраняла влияние в Фессалонике и при Апокавке, и при Андрее Палеологе; при последнем, однако, приходилось в большей степени учитывать настроения простого народа. Именно в таком облике предстает Кавасила в других своих политических трактатах того же периода, где прослеживаются определенные популистские идеи (особенно в отношении к ростовщичеству)⁶⁶. Есть подобные нотки и в “Слове”, где среди прочего находим любопытный пассаж о трудовом народе: “Ведь и одежда, и питание, и жилье, и обувь, и пахота, и мореплавание, и сооружение стен и орудий, и прочее, благодаря чему жизнь поддерживается у нас в благополучии и на чем держится власть, – [все это] труды ремесленников (χειροτεχνῶν)... Что же препятствует считать их спасителями, возлюбить превыше всего и называть всеобщими благодетелями, отцами-основателями, покровителями и все такое прочее? Плата. Ибо она всегда лишает их этого и не позволяет быть лучше прочих, а тем, кому хорошо от этих великих благ, не дает чувствовать себя в долгу; но одни терпят невзгоды и труды ради того, что обеспечивает нам жизнь, а другие, благоденствуя благодаря их трудам, презирают их, ничуть не считая источником имеющихся у них благ, но к самим себе – и к монетам – чувствуют почтение”⁶⁷. В случае принятия второй гипотезы “Слово” предстает уникальным источником, раскрывающим подлинный характер политики фессалоникийского правительства периода “умеренных зилотов”, которая оказывается весьма далекой от радикального режима начального периода восстания.

Так или иначе, в нашем распоряжении есть веские основания для того, чтобы реабилитировать трактат Николая Кавасилы Хамаэта “О незакон-

⁶⁴ Поляковская М.А. Портреты... С. 120.

⁶⁵ Ioannis Cantacuzeni... Т. II. P. 573–574.

⁶⁶ Guiland R. Le traité inédite “Sur l’usure”...; Поляковская М.А. Взгляды Николая Кавасилы на ростовщичество. С. 83–96.

⁶⁷ Л. 43.8–21 (Р. 116).

ных дерзновениях архонтов в отношении священного” в качестве важного источника для периода движения зилотов в Фессалонике. При этом наше представление об этом периоде не должно сводиться лишь к тем гротескным картинам господства “охлократии”, которые рисуют Григора и Кантакузин. Значительную роль в этих событиях играли вполне умеренные социальные силы, которые действовали в широком спектре от государственников-легитимистов (наподобие старшего и младшего Апокавков) до консерваторов, стоявших на защите интересов Церкви (каковым предстает Кавасила). Полемика этих групп, по разному подходивших к вечной проблеме баланса между общественным благом и частными правами, принадлежит к числу важнейших эпизодов во внутривосточной истории Византии и нуждается в основательном изучении.